

позже возвратившимся на Русь.¹ Этим самым снимался вопрос о процессе создания „Истории“ в том виде, в каком его можно было представить на основе послесловия, и отрицалась исконность самого послесловия.

Изучение „Истории“, таким образом, возвращалось к тому состоянию, в котором оно было до открытия Леонида.

Позже превосходные для своего времени работы А. С. Орлова² об особенностях формы и стиля великорусской исторической беллетристики показали, что „История“ является продуктом древнерусской литературной культуры, что ее создание немыслимо вне русской почвы и необъяснимо вне традиций литературы древней Руси. Установленная А. С. Орловым тесная связь „Истории“ в отношении стиля с древнерусской исторической беллетристикой, а в отношении содержания (частично и в отношении стиля) с рядом известных в русском переводе сочинений — таких, например, как „Сказание о построении церкви Софии царьградской“, „Троянская притча“, „Троянские деяния“ и др., — приводила к новой постановке вопроса о процессе создания „Истории“.

Если „История“ возникла на русской почве и в то же время в основе своей имеет дневниковые записи Нестора Искандера, то, следовательно, необходимо разграничить, что в сохранившихся ее текстах принадлежит Нестору Искандеру и что тому неизвестному автору, который владел стилем древнерусской повествовательной литературы и писал на Руси. Сам А. С. Орлов поостерегся встать на этот путь. Но дальнейшее изучение „Истории“ пошло именно в этом направлении. Так, уже Г. П. Бельченко в своей статье „К вопросу о составе исторической повести о взятии Царьграда“ определенно становится на этот путь. При крайне слабой аргументации Г. П. Бельченко конструирует следующий общий вывод по вопросу о составе и процессе создания „Истории“: „В повести о Царьграде, в дошедшем до нас составе, мы можем выделить историческую часть, написанную Нестором Искандером во 2-й половине XV в., на основании дневника и рассказов современников, — и осложненную позднейшими наслоениями. Какой-то книжник переделал краткую историческую повесть о взятии Царьграда Нестора Искандера в духе религиозно-политической идеи. Он придал особое начало — повесть о создании Царьграда... Он расширил историческую часть вставками церковного характера (молитвы и знамения) и заключил ее пророческими предсказаниями о грядущих судьбах Царьграда“.³

М. Н. Сперанский в работе, публикуемой в данном томе, написанной в 1937 году, также останавливается как на единственно правильной, по его мнению, мысли о том, что авторству Нестора Искандера бесспорно принадлежали дневниковые записи о падении Константинополя, которые затем были переработаны на Руси в повесть каким-то „русским опытным в литературном деле книжником“. Ясно сознавая, что при таком освещении процесса создания „Истории“ подлинность

¹ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, стр. 13.

² А. С. Орлов. 1) Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1902, кн. IV, стр. 1—50; 2) О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук, 1908, т. XIII, кн. 4, стр. 344—379.

³ Г. П. Бельченко. К вопросу о составе исторической повести о взятии Царьграда. Сборник статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934, стр. 512—513.